

4

Коммунистическая драма индивидуации Льва Выготского

Мария Чехонадских

Кингстонский университет, Лондон

Коммунистическая драма индивидуации Льва Выготского

Аннотация

В статье рассматривается понятие «индивидуация» в работах советского психолога Льва Выготского. Утверждается, что данное понятие стратегически объединяет Гегеля и Спинозу и лежит в основе советских эпистемологических построений.

Хотя Выготский внес оригинальный вклад в материалистическую философию — и этот вклад не может быть отделен от советского контекста, — этот ученый больше известен как психолог-практик, его марксистские взгляды часто замалчиваются как пережиток прошлого, не имеющий принципиального значения сегодня. Согласно нашей гипотезе, индивидуация связывает гегелевскую диалектическую логику опосредования со спинозистским пониманием деятельности через эпистемологию Маркса, эксплицитно присущую «Капиталу». Выготский преодолевает как механистические, так и телеологические концепции соотношения индивидуального и классового, социального и коллективного, чтобы очертить политическую теорию коммунизации, т. е. «адекватной формы» индивидуации. Данная гипотеза подводит нас к другим, связанным с этой темой, наблюдениям относительно дебатов об индивидуации,

развитых Жильбером Симондоном, Этьеном Балибаром и Паоло Вирно. В заключение делается вывод о том, что теория Выготского может помочь преодолеть раскол Гегель/Спиноза в современной радикальной мысли.

Ключевые слова

Выготский, «Капитал», Гегель, Спиноза, коммунизм, опосредование, индивидуация

Прелюдия: ненаписанные «Капиталы» советского марксизма, или Неудобное единство Спинозы, Гегеля и Маркса

Психологии нужен свой «Капитал» — свои понятия класса, базиса, ценности и т. д., — в которых она могла бы выразить, описать и изучить свой объект (Выготский 1982а: 420).

На первый взгляд, сравнение марксистской психологии с новым «Капиталом» кажется непонятным, практически парадоксальным. Неудивительно, что проект нового «Капитала» так никогда и не получил систематической разработки в работах Льва Выготского. Другой известный советский интеллектуал и друг Выготского Сергей Эйзенштейн¹ тоже хотел создать свой собственный «Капитал», но в форме фильма. Как известно, результат был аналогичным: Эйзенштейн так и не экранизировал великий труд Маркса². В этом отношении, ненаписанные «Капиталы» Выготского и Эйзенштейна могут считаться симптомом «атмосферы 20-х», которая «была плодотворна для любого рода общих проектов, способствующих развитию конкретных исследований» (Kozulin 1990: 85). Такая точка зрения привела некоторых исследователей к выводу о том, что позицию Выготского по отношению к Марксу можно рассматривать или с точки зрения методологической задачи построения постреволюционной наукой диалектических и материалистических оснований любой

¹ Выготский принимал активное участие в авангардных художественных группах. Подробнее о его художественной деятельности см. (Kozulin 1990: 20–49; Van Der Veer 2011: 20–21).

² См. (Эйзенштейн 1973).

дисциплины, или в качестве общего интереса к марксистской традиции. Соответственно, существует два подхода к работам Выготского.

1. Его марксизм рассматривается как экзотический советский рудимент, который нужно объяснить, но в то же время можно легко отбросить (Doise et al. 1996).

2. Речь идет о точном восстановлении у Выготского всех следов Маркса, Гегеля или Спинозы, без должного внимания к методу. И все ради подтверждения того, что Выготский был марксистом, гегельянским марксистом или спинозистом — выбор зависит от академических предпочтений.³ Большинство современных читателей Выготского сформировалось в контексте радикального выбора между Гегелем и Спинозой⁴ и потому они не могут признать систему мысли, совмещающую этих двух мыслителей.⁵

Суть проблемы в том, что Выготский использует чужую терминологию и наполняет ее авторским содержанием. Хотя такие термины, как «человеческое поведение» и «рефлекс» прямо отсылают

---

³ Паркер делает краткий обзор самых распространенных интерпретаций марксизма Выготского в англо-американском контексте и за его пределами. Он дает свою собственную интерпретацию, которая, к сожалению, впадает в пропедевтическое сравнение гегелевской и марксистской концепций истории с концепцией Выготского (Parcker 2008). Лэнгфорд делает нечто схожее. Он приравнивает стадии развития по Выготскому к эволюции общественных формаций в истории (Langford 2005: 27–39, 157–160). Некоторые психологические исследования последнего времени также противопоставляют себя антидиалектическому и когнитивистскому подходу, характерному для англо-американского контекста. Так, Дафермос признает важность марксистской традиции для теории Выготского, показывая, что понятие развития не может быть отделено от таких диалектических категорий, как кризис и драма (Дафермос 2015). Однако это исследование не стремится делать широких философских выводов из проведенного анализа, поскольку его задача состоит в том, чтобы переосмыслить главные течения в психологических школах, связанных с традицией Выготского.

⁴ Здесь я имею в виду французские споры о Гегеле и Спинозе (Macherey 2011).

⁵ В настоящий момент я знаю лишь одну работу, посвященную Гегелю и Спинозе в интерпретации Выготского (см. Derry 2013). Спиноза и Выготский превратились в этой работе в аналитических философов-гегельянцев — в результате советский контекст полностью исчезает. В статье о российской спинозистской традиции Андрей Майданский иногда обращается к Гегелю, но его трактовка Выготского основана на чисто спинозистской интерпретации (Майданский 1998, 2012). Подобный подход характерен и для философски ориентированного исследования российского психолога Александра Сурмавы (Сурмава 2012). Я не упоминаю здесь огромное количество дополнительной литературы, связанной с исследованиями в области интеллектуальной истории. В большинстве случаев такие комментарии покрывают целый ряд философских интересов Выготского, но вопрос в том, как они были проинтерпретированы. См., например (Kozulin 1990; Van der Veer and Valsiner 1991).

к рефлексологии Павлова и американскому бихевиоризму, Выготский заново рассматривает их в связи с сознанием и бессознательным, мышлением и речью, человеческим и животным. Все эти пары диалектически взаимодействуют друг с другом и наполняются новыми значениями. Таким образом, краеугольный камень проекта Выготского, который станет позже известен под названием «культурно-исторической психологии», состоит в критическом пересмотре различных течений в социальных науках: бихевиоризма, гештальтпсихологии и психоанализа. Мы должны понимать использование Выготским старых понятий именно в таком критическом смысле, а не в качестве выражения симпатии к Ивану Павлову, Уильяму Джеймсу или американскому прагматизму.⁶ Таким образом, можно утверждать, что в литературе не существует гипотезы о том, чем должен был стать «Капитал» Выготского и как понимать единство Спинозы, Гегеля и Маркса в его творчестве.

Чтобы подойти к вопросу этого единства, нам нужно принять во внимание различные эпистемологические построения, созданные до, во время и сразу после Октябрьской революции. В них обнаруживается поразительное сосуществование имманентности и диалектики. Именно тогда ключевые фигуры российских революционных кругов начали говорить о важности гегелевского и Спинозовского наследия для марксизма.⁷ Советская философия объясняла, что именно из Гегеля и Спинозы может быть приспособлено для революционного проекта и почему. Вместо того чтобы спрашивать, как критиковать капиталистическое общество, она спрашивала: *что обществу следует делать после революции*. Таким образом, вся история философии часто служила здесь строительным материалом без учета того, рассматривался ли западными политическими и академическими кругами данный дискурс как враждебный марксизму или нет. В этом смысле необычный союз Маркса, Гегеля и Спинозы возник из пустого пространства, образовавшегося из-за игнорирования традицией критического марксизма подобных спекулятивных вопросов.

Не-догматическое обращение к истории философии подготовило почву для оригинальной и продуктивной связи идей у Выготского. Он развил теорию индивидуации, чтобы создать доказательную базу для своего тезиса о мышлении как исторически сложившейся

⁶ См., например, сопоставление с прагматизмом в (Edwards 2007: 77–100; Wersch 1985: 200).

⁷ Линия аргументации в пользу единства Гегеля и Спинозы часто выглядела следующим образом: «Согласно Деборину, диалектический материализм — это синтез материалистически переработанных гегелевской диалектики и феербаховского материализма. И поскольку материализм Фейербаха — это видоизмененный Спинозизм, последний является важнейшей составляющей марксистской философии» (Kline 1952: 25).

форме деятельности. Соответственно, только учреждение совершенной формы активного мышления может сформировать коммунистическую социальность. Выготский перенаправил метафизическую диалектику природы и психологическое понимание мышления, намеченные энгельсовским типом философского материализма, к материалистической концепции коммунистической субъективности. Можно утверждать, что эта логика избегает ловушек альтернативы — Гегель или Спиноза, витализм или социальный конструктивизм.

С социологической точки зрения коммунистическая перспектива проекта Выготского исходит из самого простого вопроса, а именно: как в данных условиях бедности и массовой безграмотности может возникнуть новый субъект коммунизма и кто этот новый субъект? Выготский был глубоко впечатлен многообразием советской бедности и оригинальностью проявлений ее мышления. Работа «Мышление и речь» (Выготский 1982b) целиком посвящена анализу диалектических взаимоотношений между мышлением и речью. Это направление исследований Выготского редко рассматривается в контексте постреволюционных пластов городских жаргонов, провинциальных диалектов и языка улиц. Однако именно здесь можно обнаружить социологические корни его коммунизма. Его экспериментальная философия была связана с практической работой: среди прочего, с клиническими исследованиями, разработкой учебных программ для этнических меньшинств, новаторским подходом к обучению слепоглохих. Внимание к бедности и инвалидности может указывать на радикальную трансформацию образа сильного маскулинного промышленного рабочего класса. Но для Выготского основной проблемой исследования являются «реально существующие» постреволюционные пролетарии, крестьяне, этнические меньшинства, женщины и дети, т. е. деклассированная, мозаичная сборка и какофония старого и нового, прогрессивного и реакционного.⁸

---

⁸ Интерес к «вовне» рабочего класса может быть обнаружен в целом ряде проектов и исследований. См., например, эмпирическое исследование советских национальных меньшинств, проведенное лабораторией Выготского в 1931–1932 годах в Центральной Азии. Выготский не участвовал в экспедиции, но член лаборатории Александр Лурия провел полевое исследование под его руководством (Лурия 1974). Лурия опубликовал результаты своего исследования лишь в 1970-е, потому что экспедиция вызвала в обществе споры, доходившие до обвинения Выготского и Лурии в фашизме. См. об экспедиции и спорах вокруг нее, включая политико-экономический контекст коллективизации в Центральной Азии (Van der Veer and Valsiner 1991: 242–255). Экспедиция предварялась статьей Выготского, в которой он критиковал «негативный» подход к изучению меньшинств: такой подход часто начинается с вопроса о том, чего не хватает представителю меньшинств по сравнению с «цивилизованным» ребенком. Выготский назвал данную точку зрения традиционной и отметил, что она выражает колониальное представление о примитивном человеке. Напротив, позитивный подход заключается

Тем не менее такая интерпретация противоречит взгляду на социальный конструктивизм Выготского, который исторически совпадает с характерными дискуссиями о новом советском человеке и социалистическом «жизнестроении».⁹ Можно утверждать, что этот воображаемый конструктивистский проект вынудил Выготского изучать историю сознания, вернее, историю культурного поведения. Такой конструктивизм часто исходит из вопроса о том, как формируется сознание. Однако Выготский не был согласен с традиционным советским взглядом на сознание как простой продукт социальных отношений. Он отвергает социологический подход к пониманию социального класса с точки зрения архетипического характера, сформированного средой. Если бы сознание являлось лишь проекцией социальных отношений в уме субъекта, существовало бы лишь небольшое количество человеческих типов с предсказуемым поведением, вроде соцреалистического «типичного человека в типичной ситуации».¹⁰ Напротив, само социальное трансформируется в психическое путем сложной системы опосредований: «Изменяя известное положение Маркса, мы могли бы сказать, что психическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры» (Выготский 1983: 146).

Выготского интересует сама история превращения социального в психическое. Это превращение наблюдается на уровне формирования восприятия, мышления, речи, воли и аффектов. Он приписывает ему функциональную и структурную природу и называет структурное единство этих функций «высшими психическими функциями», противопоставляя их естественным «низшим психическим функциям», таким как рефлекс и инстинкт. Хотя термины вроде «высший» и «низший» обнаруживают метафизические следы научного мышления XIX века и устанавливают границы между животным и человеческим, биологическим и культурным, Выготский подчеркивает, что «низшая» и «высшая» точки указывают не на вертикаль темпорального филогенетического развития, но обозначают пространственное измерение, «место в развитии» (Выготский 1984а: 46–47), которое, как мы увидим позже, имеет совершенно иную

в конкретном историческом анализе поведения ребенка в данных культурных условиях (Выготский 1929).

⁹ См. статью Выготского «Социалистическая перделка человека» (Выготский 2004 [1930]). Термин «жизнестроение» принадлежит Николаю Чужаку (Чужак 1923).

¹⁰ Я имею в виду энгельсовский атрибут реализма “*typischer Charaktere unter typischen Umständen*”, ставший аксиомой соцреализма в Советском союзе (Энгельс 1965: 35). В этой связи Выготский критикует Зомбарта (Выготский 1982с: 130).

временную структуру. Например, в поздней работе «История развития высших психических функций» (1983) Выготский отмечает, что низшие биологические процессы снимаются (*aufgehoben*) высшими историческими процессами. Он замечает, что гегелевское *Aufhebung* имеет двоякое значение: «устранение» или «отрицание», а также «сохранение». Это двойное значение «хорошо передается обычно на русском языке при помощи слова “схоронить”, которое также имеет отрицательный и положительный смысл — уничтожение и сохранение» (Выготский 1984а: 113). Это важное замечание следует принять во внимание. Именно логика «схороненных» функций целиком меняет взгляд на концепцию развития у Выготского, столь же диалектическую, сколь «геологическую»:

Все культурное поведение [...] означает часто борьбу, оттеснение старой формы, иногда ее полное разрушение, иногда «геологическое» напластование различных генетических эпох, которые делают поведение культурного человека похожим на земную кору (Выготский 1983: 292).

Анализ психических функций выглядит как восстановление «геологической» истории развития сознания. Значение слова «история» и значение термина «историческая психология» отсылают к диалектическому взгляду на вещи. Мышление, речь, память, воля и другие формы культурного поведения являются динамическими структурными сущностями. Каждая из них возникает и развивается уникальным образом и каждая из них является результатом серии взаимных негативных и аффирмативных детерминаций. В «Мышлении и речи» высшие функции проходят через различные планы развития от возникновения до кульминации в вербальном мышлении, а на уровне сознания субъект переходит от чувственной достоверности к самосознанию. Энди Блунден утверждает, что такое описание в общих чертах повторяет гегелевскую «Логикку». В «Мышлении и речи» Выготский начинает с синкретического единства субъекта и объекта (невербальное мышление и неинтеллектуализированная речь), которое впоследствии разделяется на речь и язык, пока речь и язык не разделятся на внутреннюю и внешнюю речь, чтобы окончательно воссоединиться в интеллектуализированной речи (Blunden 1997). Такой подход к пониманию исторического развития у Выготского является общепринятым (см. сноску 3). Однако схема Блундена может показаться слишком упрощенной, если мы попытаемся разработать и радикализовать положение Выготского о тотальности психических форм, понимаемых с точки зрения «пространственной темпоральности» «схороненных» функций, т. е. с точки зрения процесса индивидуации. В этой статье я хотела бы поставить под вопрос гегелевский финализм Выготского с помощью восстановления спи-

нозистской интерпретации деятельности как пространственной и структурной диверсификации поведения, которая стремится к «адекватной форме», но не имеет никакой высшей точки.

Вначале было действие: онтология опосредования

У Выготского диалектическая история культурного поведения начинается с разрешения проблемы «сознание/тело». Он утверждает, что материалистический подход к человеческому сознанию должен быть монистическим. Такой подход должен исключать как физиологический детерминизм психики, так и отказаться от трактовки физической организации человеческого организма как эффекта психической сферы. Как каузальное объяснение взаимоотношений сознания и тела, так и параллелизм впадают в механистическую трактовку психической жизни (Выготский 1982d: 139–140) и определяют тело или сознание как *causa efficiens* психической жизни. Впрочем, нет такого привилегированного места, где можно обнаружить психическую жизнь, поскольку «для диалектической психологии психика не является, по выражению Спинозы, чем-то лежащим по ту сторону природы или государством в государстве, она является частью самой природы, непосредственно связанной с функциями высшей организованной материи нашего головного мозга» (Выготский 1982d: 137). Здесь Выготский переводит на свой язык Спинозовское понимание человека как частной или неадекватной причины, которой недостает автономии и абсолютной власти (Спиноза 1999: Этика, III, D1). Третья часть «Этики» Спинозы, откуда Выготский заимствует сравнение человека с государством в государстве, начинается с предположения о том, что человека не следует понимать как исключительную и аномальную вещь, но как вещь, которая подчиняется и зависит от законов природы (Спиноза 1999: Этика, III, Предисловие). Из простого факта зависимости от законов природы следует единство физического и психического.¹¹ Однако, чтобы избежать ловушек солипсистской однородности обеих сторон, психологии необходимо переопределить свой объект и ввести третий термин — психический процесс, который является реальным единством двух противоположностей, опосредует две стороны. Психическое и физическое рассматриваются здесь не как две изолированных стороны человеческой жизни, но как единый процесс этой жизни. Только таким образом, когда мы рассматриваем их как процесс, возможно объяснить, что они делают.

¹¹ Похожий аргумент о разрешении дуализма сознания и тела можно найти в работе Выготского о Спинозе (Выготский 1984b).

Нелепо раньше вырвать известное качество из целостного процесса и затем спрашивать о функции этого качества, как если бы оно существовало само по себе, совершенно независимо от того целостного процесса, качеством которого оно является. Нелепо, например, отделив от солнца его теплоту, приписывать ей самостоятельное значение и спрашивать, какое значение и какое действие может оказать эта теплота. [...] Нелепо спрашивать, может ли данное качество действовать на предмет, качеством которого оно является (Выготский 1982d: 139–140).

Уровень процесса есть уровень действия, и на уровне действия сложно отделить одну сторону от другой. Процесс — это монистический план физического и психического. Интересно отметить, что советский философ Эвальд Ильенков в очерке о Спинозе объясняет единство тела и сознания похожим образом, едва ли не повторяя аргумент Выготского десятилетия спустя:

Спрашивают не о том, как устроены ноги, способные ходить, а о том, что такое ходьба. Что такое мышление как действие, хотя и неотделимое от материальных механизмов, с помощью коих оно осуществляется, но вовсе не тождественное самим этим механизмам? В одном случае спрашивают об устройстве органа, а в другом — о той функции, которую он выполняет. Разумеется, «устройство» должно быть таково, чтобы оно могло осуществлять соответствующую функцию: ноги устроены так, чтобы могли ходить, но не так, чтобы они могли мыслить. Однако самое полное описание структуры органа, т. е. описание его в бездействующем состоянии, не имеет никакого права выдавать себя за хотя бы приблизительное описание той функции, которую он выполняет, за описание того реально-го дела, которое он делает (Ильенков 1984: 37).

Структура органа не является структурой человеческого сознания, поскольку орган — это не сознание. Выготский критикует Фрейда и Пиаже именно за их неспособность принять монистическую точку зрения на человеческое сознание. Фрейд субстантивировал либидо и сводит объяснение психической жизни к инстинктивному поведению (Выготский 1982d: 136), тогда как Пиаже делает то же самое в отношении эгоцентрической речи (Выготский 1982b: 23–79). Ильенков прекрасно резюмирует эту тенденцию, говоря, что изучение «структуры языка» или структуры мозга является лишь одним из многих характеристик мышления, которые не имеют никакого отношения к самому процессу мышления и мышлению как таковому (Ильенков 1984: 37–38).

Под психическим процессом я подразумеваю выражение идеи о том, что проблема поведения является проблемой деятельности.

Вопрос не в том, как функционирует орган, но в том, как поступают люди; что они делают и как они действуют. Это означает, что поведение как единство сознания и тела есть процессуальная структура деятельности. Но как выглядит эта структура? Человеческое поведение качественно отличается от поведения животного. Это качественное отличие не является простой суммой накопленных условных реакций на стимулы, которую Павлов и рефлексология предлагают в качестве объяснительной схемы перехода от биологического к социальному. Выготский сравнивает социальную сферу с диалектическим скачком, который изымает человеческое поведение из схемы стимул-реакция (Выготский 1983: 56–57). Этот диалектический скачок не является ни переходом количества в качество, с помощью которого диалект объясняет разнообразные феномены от кипения воды до образования массовых движений (Энгельс 1961: 384–390), ни постепенным усложнением поведения на всем протяжении развития организма. Диалектический скачок — это превращение природного в историческое через радикальное изменение типа развития, от эволюционного к диалектическому (Выготский 1983: 293).

Ранее Выготский замечает, что человек отличается от животного тем, что само его тело устанавливает цепь реакций в ответ на аффекты тела (Выготский 1982e: 90). Сознание — это ряд способностей, которые происходят из самоаффектации тела. Выготский сравнивает простую рефлексию с *causa effectum*, где причина А равна следствию В, а следствие В, образует новое следствие С, которое равно В: «Пруд отражает все; камень, в сущности, реагирует на все. Но его реакция равна раздражению: *causa aequat*¹² *effectum*» (Выготский 1982a: 347). Мы можем предположить, что эта симметричная цепь тождеств является областью непосредственности, а причинную цепь со стороны человеческого сознания можно было бы называть *causa intentionalis*. Способность соотносить реакции с самим собой (автостимуляция) — это способность присваивать аффекты. Понятие автостимуляция, понимаемое как психическая направленность, может предстать в качестве феноменологического понятия. Однако Выготский ставит под вопрос собственную теорию, когда вводит историческую и материалистическую интерпретацию автостимуляции. Он поясняет, что не сфера природы, но социальная жизнь развивает способность к аффирмации собственных реакций. Иными словами, социальный контакт и присутствие другого служит причиной реверсивности эго. Монистический план рассмотрения индивидуального и социального напоминает фрейдовское расщепление эго в индивидуальном сознании, но для Выготского оно является социальной

¹² В советском собрании сочинений *alquat*, по-видимому, должно быть *aequat* — равна, равносильна.

сферой непосредственного, естественной средой «Я», которая превосходит его могуществом и силой.¹⁵ Социальное как сфера непосредственного является уровнем чувственной достоверности, где происходит первое расщепление между бессознательным (социальным) и субъектом этого бессознательного. Именно с такой непосредственности сознание начинает само себя опосредовать.

Теория Выготского не стремится к полному отказу от биологического. Напротив, Выготский верит, что человеческая психика — это то, что связывает «естественную историю» (эволюция) и «историю общества» (история как таковая) (Выготский 1986: 55). Различие между биологическим и социальным содержится уже в самом факте того, что «там, где невозможно дальнейшее органическое развитие, безгранично открыт путь культурного развития» (Выготский 1983: 302). Например, недееспособность может быть опосредована социальными и культурными средствами; тактильная система письма или протезирование являются лишь немногими примерами подобного опосредования. Таким образом, вопрос здесь в том, как опосредовать данный биологический материал, чтобы довести его до социальной формы. Итак, у Выготского исследование человеческого поведения начинается там, где заканчивается биологическое исследование.

В «Истории развития высших психических функций» Выготский вводит понятие «опосредование» через философский анекдот о бурдановом осле, который умирает от голода, неспособный выбрать между двумя одинаковыми порциями пищи. Это происходит из-за того, что в такой гипотетической ситуации как животное, так и человек помещаются в рамки модели стимул-реакция (*causa aequat effectum*), что делает их неспособными выбрать между двумя одинаковыми порциями пищи. Однако это соответствовало бы пассивной реакции на ситуацию, и колебание между двумя вариантами (или, в терминологии Выготского, мотивами) может разрешиться активным способом: введением в ситуацию третьего члена — искусственного стимула или вспомогательного мотива. Выготский иллюстрирует такое решение эпизодом из романа Толстого «Война и мир». Пьер Безухов не может решить, следует ли ему присоединиться к армии или же остаться в Москве. Чтобы сделать выбор, он раскладывает пасьянс. В результате Пьер пребывает в том же состоянии тревоги и не может сделать выбор, но основной урок Толстого, согласно Выготскому, состоит в решении опосредования, которое помогает избежать ловушки двух мотивов. Введение третьего члена характери-

---

¹⁵ Вместо фрейдовского понимания бессознательного Выготский принимает теорию бессознательного Геффдинга, который «введение понятия бессознательного в психологии приравнивал по значению к понятию потенциальной физической энергии в физике» (Выготский 1982d: 132).

зует возникновение новой структуры искусственных стимулов, которая помогает сделать выбор с помощью особых внешних орудий (Выготский 1983: 66–78). Цитируя Спинозу, Выготский подчеркивает тот факт, что колебание Безухова перед выбором указывает на невозможность «свободного выбора» и «свободной воли», но является примером человеческой способности осознать необходимость.¹⁴

Свобода воли, говорит нам эксперимент, не есть свобода от мотивов, она заключается в том, что ребенок сознает ситуацию, сознает необходимость выбора, определяемого мотивом и, как говорит философское определение, в данном случае его свобода есть познанная необходимость. [...] Как известно, основной закон нашего поведения гласит, что поведение определяется ситуациями, реакция вызывается стимулами, поэтому ключ к овладению поведением заключается во владении стимулами. Мы не можем овладеть своим поведением иначе, как через соответствующие стимулы. В случаях выбора со жребием, о которых мы только что говорили, ребенок овладевает своим поведением, направляет свое поведение через вспомогательные стимулы. В этом смысле поведение человека не представляет исключения из общих законов природы. Как известно, мы подчиняем себе природу, повинувшись ее законам. Наше поведение — один из естественных процессов, основным законом которого и является закон стимула-реакции, поэтому основным законом овладения природными процессами является овладение ими через стимулы. Нельзя вызвать к жизни какой-нибудь процесс поведения, направить его по-иному, иначе чем создав соответствующий стимул (Выготский 1983: 278).

Отсюда следует, что формирование высших психических функций — восприятия, памяти, мышления и речи — соответствует базовой схеме опосредования: связь между стимулом А и реакцией В всегда устанавливается с помощью стимула Х, который влияет на В и преобразует реакцию. Введение искусственных средств-стимулов характеризует развитие памяти, например, когда человек завязывает узелок, чтобы что-то запомнить, или когда ребенок считает на пальцах (Выготский 1983: 66–78). В обоих случаях стимул функционирует как орудие присвоения социальной среды, которое освобождает человеческое поведение от непосредственности восприятия. Можно сказать, что психологическое орудие — это средство производства культурного поведения.

---

¹⁴ Выготский развивает аргумент о Спинозе и его понимании свободы воли в (Выготский 1983: 273–279).

Производство культурного поведения — это процесс дифференциации и стратификации биологической структуры с помощью введения нового промежуточного члена в действующее отношение между стимулом и реакцией. Биологический план как основа производства человеческого поведения остается прежним, но искусственные органы (орудия) преобразуют его функционально-операционную логику работы в окружающем мире и вводят новый исторический и культурный план развития — опосредованную социальную деятельность.

Похожий аргумент о модификации биологической структуры с помощью производства орудий можно найти в «Творческой эволюции» Анри Бергсона. Он утверждает, что в биологической форме жизни «орудие составляет часть тела, которое его использует [...] есть инстинкт, который умеет им пользоваться», потому что орудие включено в «организаторскую работу живой материи». Эта структура «меняется лишь вместе с изменением вида», когда логика интеллекта противопоставляется логике инстинкта. Логика интеллекта — это «способность фабриковать искусственные предметы [...] орудия для создания орудия». Искусственное орудие расширяет органическое тело и создает безграничное внешнее поле для действия, которое преодолевает закрытую и цикличную структуру животного ареала (Бергсон 2001: 151–155).

Нетрудно заметить, что понимание человеческого действия как модификации грубой материи отсылает нас еще дальше, к аристотелевскому определению руки как орудия орудий и ума как формы форм. Однако такого рода аристотелизм схож с теорией Выготского лишь на первый взгляд. Выготский читал «Творческую эволюцию» и ссылаясь на выше цитированные пассажи в своих записных книжках. Но по его мнению, Бергсон упускает ключевой момент — интериоризацию орудия и его преобразование в интеллектуальную функцию. Когда орудие становится внутренним органом, новая внутренняя конструкция меняет не только структуру среды обитания, но и функции мозга (Выготский 1986: 52). Можно добавить, что Бергсон упускает диалектику опосредования и путает «логику интеллекта» с органической витальной силой человеческой жизни. Для Выготского в интеллекте нет ничего органического. Интеллект — это не производство орудий в чистом виде, а множество сложных отношений, опосредующих и «хоронящих» «логику инстинкта». Здесь я отклонюсь от основной темы, чтобы указать на то, что именно этот «исторический материализм» отличает теорию индивидуации Выготского от теории индивидуации Жильбера Симондона.

Теперь перейду к более подробному объяснению логики интериоризации у Выготского. Выготский подчеркивает сходство вспомогательных средств, которые служат для разрешения психологических ситуаций (припоминание, сравнение или сообщение

чего-либо), с орудием труда. Вспомогательные средства и орудия труда являются инструментами разума. Однако, если орудие как средство труда помогает присвоить природные материалы, находящиеся вне человеческого тела, вспомогательные средства — это структура означивания, происходящая от средств социальной коммуникации. Вспомогательные средства помогают придать действию смысл. Структура созидания смысла — это структура опосредования, которая объединяет орудие и знак. В этом смысле психологические функции представляют собой «не естественные структуры, но конструкции», «внешние формы воздействия», которые овладевают «внутренними процессами» (Выготский 1986: 55). Итак, именно логика опосредования объединяет орудие и знак — следовательно, орудие и знак логически работают одинаково, но различаются структурно. Орудие влияет на объект действия и преобразует его, тогда как знак ничего не меняет в объекте, но влияет на поведение субъекта. То есть орудие и знак направлены в разные стороны — вовне и внутрь, но, несмотря на это различие, они взаимозависимы и представляют собой диалектическое единство противоположностей.

Понятие опосредования соответствует преобразующей сущности труда у Маркса.¹⁵ Хотя, в соответствии с определением Выготского, преобразующая функция труда на самом деле остается за пределами труда. Орудие — это стимул-объект, и если не ввести в структуру стимул-средство, то естественная линия развития останется без изменений (Выготский 1983: 116). Выготский отступает от Маркса, когда выводит главенствующую роль знака и означивания в человеческом поведении. У Маркса философская концепция труда и орудий труда не отличается от аристотелевской, о которой упоминалось выше (Маркс 1960: 188–190). Тем не менее Выготский цепляется за пассаж из «Капитала» о плохом архитекторе и хорошей пчеле, чтобы сделать из Маркса союзника теории означивания. Маркс говорит, что самая умелая пчела строит ячейку соты инстинктивно, тогда как результат труда «уже существует в идеальной форме» даже в наихудшей архитектурной модели. Для Выготского наихудший архитектор является отличительной чертой человеческого поведения, т. е. обозначает способность к «удвоению опыта» и представлению идеальной формы до трудового акта (Выготский 1982e: 85). Впрочем, в своих поздних работах Выготский показывает, что способность опережать действия развивается диалектически и не может существовать «заранее» как метафизический атрибут человека. В начале этого развития действие аффективно и предшествует рефлексии. Как только речь включается в структуру поведения, она сначала

---

¹⁵ Выготский разъясняет свою теорию опосредования, ссылаясь на Маркса (Выготский 1983: 89).

сопровождает деятельность, и, лишь пройдя несколько диалектических шагов — в соответствии с процессом усвоения речевых навыков, — мышление начинает предвидеть и объяснять еще не осуществленное действие (Выготский 1984а: 35-37). Критикуя логоцентричную христианскую формулу «В начале было слово», Выготский допускает, что «практический интеллект генетически древнее вербального; действие первоначальнее слова, даже умное действие первоначальнее умного слова», но действие — это только начало, «исходная точка движения» (Выготский 1984а: 86). «Если в начале развития стоит дело, независимое от слова, то в конце его стоит слово, становящееся делом» (Выготский 1984а: 90). Можно сказать, что труд — это особый случай деятельности, тогда как деятельность без означивания — это особый случай поведения. Означивание начинает преобразовывать трудовую деятельность или любую другую предметную активность из пассивного взаимодействия со средой в автостимуляцию.

Для Выготского знак является любимым родом обусловленного стимула, искусственно созданного человеком для человека. Вначале знак — это лишь орудие коммуникации с внешней средой. Это «жест в себе», который указывает на интенциональный акт. Развитие ребенка начинается с неудачных попыток схватить объект, и только мать способна понять этот акт в качестве «указательного жеста»; другими словами, значение ситуации в целом (указательного жеста) вводится другим, когда мать навязывает ребенку смысл его неудачного хватательного движения. Ребенок станет понимать «жест для других» только при соединении идеи хватания с объективной ситуацией, которая включает в себя желаемый объект и человека, способного его принести. Тогда «жест для других» становится «жестом для себя» или структурой понимания, основанной на возникновении осмысленного дискурса.

Индивидуация представлена здесь как гегелевское движение от бытия в себе к бытию для себя, но для гегельянского Спинозизма Выготского оно означает движение от абстрактного универсального (социального бессознательного) к конкретному единичному (индивидуальному).¹⁶

Впрочем, триадическая диалектическая логика усложняется наличием *двойного опосредования*. В записных книжках Выготский пишет, что человек есть *homo duplex* (Выготский 1986: 54), поскольку каждая высшая функция предполагает особую модель социальных

---

¹⁶ Может показаться, что это совершенно неверное толкование Гегеля. Однако попытка Выготского дать точное определение своей теории индивидуации через Гегеля и Спинозу имеет продолжение. Ее можно сравнить с недавним сравнительным анализом индивидуации и желания у Гегеля и Спинозы, сделанным Джейсоном Ридом (Read 2012).

отношений. В новой структуре культурного поведения знак возникает не между субъектом и объектом, но через объект между двумя субъектами, и объект начинает означать что-либо лишь благодаря коммуникации между субъектами. Социальные отношения формируют *внешнее означивание*, где знак проявляется как «интерпсихическая функция». В то же время субъект формирует *внутреннее означивание*, которое «переносит социальное отношение к субъекту внутрь личности». Иными словами, «история высших психических функций раскрывается здесь как история превращения средств социального поведения в средства индивидуально-психологической организации» (Выготский 1984а: 56). Это значит, что субъект интериоризирует не объект как таковой, но отношение, установленное с помощью объекта.¹⁷

Хотя Выготский утверждает, что формирование высшей психической функции является социальным процессом, именно интериоризация знака, как уже отмечалось ранее, изменяет структуру мозга. Элементы социальной среды «начинают использоваться как активные агенты, управляющие извне психическим процессом» (Выготский 1984а: 61). Означивание — это усвоение поведения другого или своего собственного посредством создания «мозговых связей извне». Удвоение поведения позволяет людям контролировать свое собственное тело. Использование знаков реструктурирует психические функции. Если можно так выразиться, социализация мозга и индивидуация поведения являются лишь еще одним доказательством *двойного опосредования*, т. е. одновременности внешнего и внутреннего движения в процессе развития.

Что могут коммунисты? Драма индивидуации

Каждая психическая функция «появляется на сцену дважды, в двух планах» (Выготский 1983: 145): как социальное отношение, которое становится интерпсихическим (функция для другого), и индивидуально — интрапсихически (функция для себя). На самом деле, все психические функции демонстрируют схожую структурную дивергенцию. Каждая функция проявляется в качестве самоидентифицирующей, но только до тех пор, пока она не преобразована в процесс (Выготский 1983: 94–95). Манистическая точка зрения на процесс, как уже было показано, позволяет выявить единство физического и психического, но она также подтверждает существование противо-

---

¹⁷ Паоло Вирно анализирует систему отношений доиндивидуальных средств индивидуации с точки зрения трансиндивидуальных объектов, овеществляющих отношения между субъектами. Овеществление «воплощено в объектах отношения, а фетишизм есть отношение между объектами» (Virno 2015: 143).

речия между тем, как процесс проявляется, и тем, как он структурирован. Такое понимание процесса весьма близко к анализу *verwandelte Form* (превращенной формы) у Маркса. Этот анализ описывает превращение внутренних отношений в капиталистической системе, когда сложный процесс замещается косвенными выражениями. Например, в феномене формы стоимости свойство социальных отношений приписывается вещам без всякой связи с человеческой деятельностью. Можно предположить, что поскольку задача состоит в обнаружении сложного структурного характера тотальности психических форм, то анализ *verwandelte Form* можно применить к анализу индивидуации у Выготского.¹⁸

Итак, мышление и речь не тождественны друг другу, но проявляются как идентичные, когда представлены в качестве вещи. Когда мышление и речь преобразуются в динамическую структуру, становится очевидно, что они являются двумя независимыми функциями, которые могут согласоваться между собой или сформировать дизъюнктивное единство. Мысль и речь могут противоречить друг другу и способны образовывать устойчивую связь лишь благодаря опосредующей роли знака. Речь происходит от совместной социальной деятельности и диалога с другими. Ее внешний характер обнаруживается в феномене разговора с самим собой или в эгоцентрической речи ребенка. Последнюю Выготский интерпретирует не как аутичную и асоциальную речь, но как исходную форму социальной речи. Если Пиаже рассматривает социальное как насильственное вторжение в аутичный мир ребенка, то Выготский показывает, что эгоцентрическая речь является переходной формой между внешней (диалогической) и внутренней (монологической) речью, или промежуточным пунктом между трансиндивидуальной и индивидуализи-

---

¹⁸ Мы опираемся на статью Мераба Мамардашвили, посвященную понятию *verwandelte Form* у Маркса (Мамардашвили 1990). Мамардашвили утверждает, что понятие может работать как эпистемологический инструмент для анализа «сложных эмпирических систем» с целью «дезобъективации» превращенных форм и «снятия» единства объекта и знания. Он доказывает, что *verwandelte Form*, понятая таким образом, может открыть новые, посткартезианские возможности для философии. *Verwandelte Form* делает возможной критику феноменологического редукционизма и структуралистского формализма за счет обнаружения сложного каузального единства объекта и субъекта в социальных формах. Представляется, что Выготский рассматривал похожие вопросы десятилетиями ранее. Бэкхерст тоже утверждает, что Выготский заимствует свой методологический подход к мышлению и речи из анализа формы товара у Маркса. Однако он не объяснил, как именно «форма товара» функционирует в его системе (Backhurst 2007: 59). См. также вышеупомянутый текст Вирно об овеществлении и индивидуации. В этом исследовании Вирно опирается на Симондона, но не упоминает Выготского (Virno 2015: 135–168).

рованной формами субъективности.¹⁹ Диалектическое единство разделенных функций мысли и речи проявляется только в значении, опосредованном словом (Выготский 1982b: 297–298). Мышление и речь, таким образом, представляют собой «сложное единство» (Выготский 1982b: 306), или, в нашей терминологии, дизъюнктивное единство.

Иными словами, существует процесс создания мысли, и успех артикуляции мысли обусловлен способностью опосредовать внутренние мотивы говорящего при помощи производства новых внешних эффектов: дискурса или целенаправленного поведения, закреплённых речевой деятельностью. «Развитие идет не к социализации, а к индивидуализации общественных функций (превращение общественных отношений в психологические функции)», — пишет Выготский (Выготский 1986: 56). Переход извне внутрь или «вращивание» знака во внутреннюю функцию психики есть *индивидуация* или сложная психологическая структура двойного опосредования, которая постоянно видоизменяет культурное поведение.

Внешние вспомогательные средства, такие как пальцы для счета, узелки для запоминания, кости для принятия решений или эгоцентрическая речь для мышления, постепенно *вращиваются* во внутреннюю психическую структуру. Внешнее опосредование обращается внутренним опосредованием, когда вспомогательные средства преобразуются в сложные психологические системы внутреннего означивания. Вспомогательные средства начинают играть роль функций, таких как произвольная память (счет без помощи пальцев, запоминание без узелков), волевой акт (решение без помощи костей), вербальное мышление (мышление про себя или монологическая речь) только после процедуры *вращивания*. Индивидуализация — это непрерывный процесс функционального преобразования, и, по всей видимости, в современных терминах она означает *индивидуацию трансиндивидуальных* отношений. То есть мы можем заключить, что индивидуальность — это тотальность превращенных трансиндивидуальных отношений или дизъюнктивное единство способов действия. Теперь позвольте мне объяснить, что означают «индивидуация» и «трансиндивидуальное» в их современном значении.

Мы заимствовали понятие трансиндивидуального, которое было впервые введено в научный оборот Симондоном, из исследования Этьена Балибара об онтологии социальных отношений у Спинозы (Balibar 1997; Simondon 2005). Для Балибара трансиндивидуальность, понимаемая в спинозистском смысле, является порядком связи вещей и идей, который производит и воспроизводит, индивидуирует

---

¹⁹ См. главу об «эгоцентрической речи» в работе «Мышление и речь» (Выготский 1982b: 23–79).

и индивидуализирует индивидов. Другими словами, это генеративная причинность, в которой целое и части функционируют как взаимосвязанные производительные процессы (Balibar 1997: 9). Трансиндивидуальное не просто переворачивает идею отдельного изолированного «Я», где «Я» рассматривается просто как следствие социальных отношений, но подвергает сомнению логику «до» и «после». Доиндивидуальная причинность не трансцендируется в индивидуализированном индивидууме в определенной точке пространства и времени, а постоянно нарушает устойчивость автономии индивидуума: «Данный индивид (будем называть его “Я”) постоянно отказывается от какой-то части или частей себя, и в то же время постоянно включает в себя какую-то часть или части других (будем называть их “они”), при условии, что это замещение оставляет определенную “пропорцию” (или сущность) неизменной» (Balibar 1997: 18). Доиндивидуальное простирается сквозь *до-* и *после*, чтобы утвердиться в *транс-* (в русском языке соответствующему приставке *меж-* и предлогам *сквозь*, *через*). То есть трансиндивидуальное распределяется *между* индивидами.²⁰ Прочтение Балибаром Спинозы и Симондона весьма схоже с пониманием социального бессознательного у Выготского. Социальное бессознательное является виртуальным и способно усиливаться через диалектическую цепь опосредований, которая детерминирует индивидуацию. Однако настойчивость, с которой Симондон подчеркивал биологические и физические аналогии индивидуации (Simondon 1992), видимо, отличает его от Выготского и, возможно, отличает также Балибара от Выготского. Другими словами, что на самом деле отличает в этом случае спинозизм в собственном смысле от советского сплава Гегеля и Спинозы, так это введение исторического и диалектического измерения, которого нет в природе. Согласно Выготскому, природа есть *causa effectum*. В природе не существует опосредования и диалектики, и поскольку в ней нет опосредования, то в ней нет и социальной жизни, а следовательно, нет и индивидуации. Индивидуация, вопреки Спинозе и Симондону, является социальной категорией. Данное утверждение имеет важные следствия, которые я попытаюсь проблематизировать.

В 1931 году студенту и сотруднику Выготского Алексею Леонтьеву удалось провести экспериментальное исследование памяти, которое научно доказало философскую гипотезу Выготского об опосредованном поведении. Показанный ниже «параллелограмм развития памяти» (рис. 1) иллюстрирует эксперимент. Группы дошкольников, школьников и взрослых запоминали слова двумя различными способами, с помощью вспомогательных средств и без них. Социальные группы

---

²⁰ Вирно отмечает, что на языке Симондона «между» означает доиндивидуальное, «ничейную землю» (Virno 2015: 144).

показаны на оси абсцисс. Ось ординат показывает количество запомнившихся слов. Верхняя и нижняя линии указывают на опосредованное и прямое запоминание соответственно. Результат эксперимента показывает, что опосредование повышает запоминание в дошкольном возрасте, но опосредованная память снижается в школьном возрасте, освобождая место возрастающей способности произвольного запоминания. Итак, два способа поведения — непосредственный и опосредованный — «представляют собой кривые, сближающиеся в нижнем и верхнем пределах и образующие фигуру, которая по своей форме приближается к фигуре не вполне правильного параллелограмма с двумя усеченными углами» (Леонтьев 1983 [1931]: 56). Параллелограмм развития памяти показывает, что опосредованная и непосредственная память развиваются независимо друг от друга, чтобы сформировать противоречие, которое может быть потенциально и гипотетически рассмотрено как диалектическое единство противоположностей, когда внешне опосредованная память снимает механическую непосредственную память и формирует логическую память с помощью внутреннего типа опосредования.

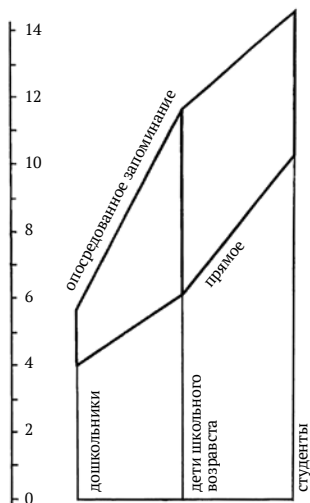

Рис. 1. Теоретический или гипотетический параллелограмм развития.
 Источник: (Леонтьев 1983 [1931]: 55)²¹

Для Выготского параллелограмм памяти характеризует процесс развития всех функций, оформляющих психологическую структуру (Выготский 1984а: 72) индивидуированного трансиндивидуального.

²¹ Название схемы предложено мной. — М. Ч.

Схема изображает довольно простую диалектическую логику развития. На ее основании можно даже сделать вывод о том, что индивидуация, в конце концов, выглядит как слаженно работающий ассамбляж автоматизмов, производный от процедуры снятия внешних отношений.

Гипотетический параллелограмм развития действительно демонстрирует сверхсознательного индивида, который может решать в уме дифференциальные уравнения, разговаривает на десяти языках и решает сложнейшую этическую дилемму за две минуты. Сверхсознательное сознание может преобразовать социальное бессознательное в самосознание. Это, конечно, не случай Пьера Безухова, который не может вынести решение даже через опосредование своих мотивов при помощи игры в пасьянс и бесконечное обсуждение ситуации с разными людьми. Это новый человеческий тип, способный опережать действие или мысленно моделировать любое действие в любой ситуации, своего рода совершенная математическая и логическая машина. Новый человеческий тип — это также *alio esse* внешней инаковости, но рабство внешнего здесь переструктурировано благодаря генерации множества индивидуальных реакций.

Производство путей и средств для мышления, овладевающего действием или, говоря словами Выготского, «господство над собой» (Выготский 1983: 273–291) похоже на Спинозовскую способность преобразовывать аффекты в целенаправленные и осмысленные действия.²² Это способность мыслящей вещи достигнуть максимальной возможной интенсивности, но, вероятно, эта способность может быть раскрыта только при коммунизме. Вполне возможно, что коммунизм с субъективной точки зрения здесь может выглядеть как этическая и политическая программа Спинозы.

У Спинозы есть теория (я ее несколько видоизменяю): душа может достигнуть того, чтобы все проявления, все состояния относились к одной цели; здесь может возникнуть такая система с единым центром, максимальная собранность человеческого поведения. Для Спинозы единая идея является идеей бога или природы. Психоло-

---

²² Согласно Выготскому, Спиноза «утверждал, что человек имеет власть над аффектами, что разум может изменять порядок и связи страстей и приводить их в соответствие с порядком и связями, которые даны в разуме». И далее: «Как правильно говорил Спиноза, познание нашего аффекта изменяет его и превращает из пассивного состояния в активное. [...] наши аффекты действуют в сложной системе с нашими понятиями, и кто не знает, что ревность человека, который связан с магаметанскими понятиями о верности женщины, и человека, который связан с системой противоположных представлений о верности женщины, различна, тот не понимает, что это чувство исторично, что оно в различной идеологической и психологической среде по сути изменяется» (Выготский 1982с: 125–126).

гически это вовсе не необходимо. Но человек может действительно привести в систему не только отдельные функции, но и создать единый центр для всей системы. Спиноза показал эту систему в плане философском; есть люди, жизнь которых является образцом подчинения одной цели, которые доказали практически, что это возможно. Перед психологией стоит задача показать такого рода возникновение единой системы как научную истину (Выготский 1982с: 131).²³

В любом случае простота параллелограмма, демонстрирующая диалектику интериоризации и переутверждения социальных отношений, не соотновляется сложности индивидуации, драме развития. На самом деле Пьер Безухов никогда не поступает разумно. Структура индивидуации показывает настоящую драму несогласованности между исполнением, действием и мыслью, которая не обязательно завершается в рациональном единстве слова и действия. Выготский соглашается, что динамика субъективности — это драма и психологии вряд ли стоит рассматривать себя сквозь призму процесса, но, скорее, сквозь призму драмы (Выготский 1986: 62). Более того, программу соотнесения всех условий с единственной целью не стоит путать с последовательным усовершенствованием умственных функций, т. е. с переходом от невербального мышления к вербальному. Например, он подчеркивает, что, хотя письмо — это наиболее совершенная социальная техника выражения мысли, оно не является завершающей стадией развития мышления, потому что письмо не снимает устную речь и не предшествует ей, но диверсифицирует способы культурного поведения. Конкретные исторические обстоятельства предшествуют письму и речи. Письмо и речь обусловлены конкретными историческими условиями. Это две различные социально развивавшиеся способности выражения мысли: первая возникла из графической символизации знака, а вторая — из его фонетической символизации.²⁴ Обе имеют свою «потребительную стоимость» лишь в особом контексте развития. Хотя Выготский никогда не отказывался от гегелевского представления о Понятии как высшей стадии развития, он все же имеет в виду и нечто спинозистское, когда говорит о мультипликации и диверсификации способов культурного поведения. Эта диверсификация не отрицает примата абстрактного мышления, но переформулирует само понимание того, что такое абстрактное мышление. Для Выготского мышление является атрибутом человеческого поведения, а речь — способом выражения этого атрибута. Речь может проявляться в жесте, аффекте,

²³ О спинозистской разработке проблемы свободы у Выготского см. (Завершнева 2015b).

²⁴ См. главу 7 «Предыстория развития письменной речи» в (Выготский 1983: 177–199); см. также главу 7 «Мысль и слово» в (Выготский 1982b: 295–361).

устном общении или как графически оформленная речь, организованная на основе алфавитных или иероглифических изображений. Иными словами, все формы речи выражают одну вещь — мысль, — но каждая по-своему. Соответственно, мы можем попробовать радикализовать диалектическую схему Выготского, указывая на драматургию и геологическую пространственность развития.²⁵

Снятие, понятое как *схоронение*, указывает на пространственную логику сохранения конфликтующих паттернов развития, историю «различных генетических эпох» (Выготский 1983: 292). Иными словами, история индивидуации удерживает в себе ландшафт разнонаправленных времен, который принимает форму геологического напластования. Индивидуация похожа на «земную кору» (Выготский 1983: 292). *Пространственный ландшафт* всех конфликтов, направлений и следов развития принимает форму *структурного места* субъективности в социальном бессознательном, в индивидуализируемом трансиндивидуальном.

Выготский дает набросок сложной структуры становления индивидом в своей ранней работе «Психология искусства» (Выготский 1968 [1925]). На первый взгляд, эта книга не соотносится с поздними работами Выготского. Однако, если мы пристально посмотрим на методологический аппарат, который он использует в этой работе, то сможем прийти к обоснованному выводу, что его анализ конкретных произведений искусства во многих отношениях повторяет его же теорию индивидуации, которая в данном случае понимается как трансформация материала — житейских отношений, историй, случаев, ситуаций, характеров — в форму или *конструкцию* искусства. Форма искусства — это активная сила трансформации и превращения материала (Выготский 1968: 187–193).

Анализируя рассказ Бунина «Легкое дыхание», Выготский рисует схему индивидуации материала (*рис. 2*). *Конструкция* рассказа представлена как кривая формы искусства, а материал — как прямая. Стилистические функции, формирующие кривую, составляют «целесообразную телеологию» «Легкого дыхания».

Мы можем увидеть, как обычная для Выготского терминология вторгается в поле искусства. Материалом здесь является история провинциальной девушки из среднего класса, которая имела связь с женатым мужчиной, а затем с офицером, которого она обманула, а он застрелил ее на железнодорожной станции. Выготский утверждает, что Бунину удалось создать легкое дыхание жизни из банальности

---

²⁵ Среди психологов школы Выготского растет интерес к проблеме драматургии. См. (Davis et al. 2015) и вышеупомянутый текст Дафермоса (Дафермос 2015). Вересов подчеркивает значение концептуальных основ драмы для диалектической теории развития Выготского. Для него драма развития — это субъективное решение «интерпсихологических коллизий» (Veresov 2010, 2016).

материала — из ничтожной мещанской жизни — посредством пере-
становки элементов повествования таким образом, что «типичная»
провинциальная история обрела значение легкости и движения
жизни. Именно это противоречие между содержанием и формой
создает сильную эстетическую реакцию.

Данное противоречие представляет собой нарушение причин-
ности посредством «диалектических скачков» — акцентуация одного
элемента истории и подавление другого или скачок из конца сюжета
в начало (Выготский 1968: 193–208). «Диалектическая борьба» между
тем, что дано как материал, и тем, как этот материал перестраивает-
ся, или, скорее, утверждается вновь в «кривой формы искусства», яв-
ляется той же способностью соотносить внешнее с самим собой.

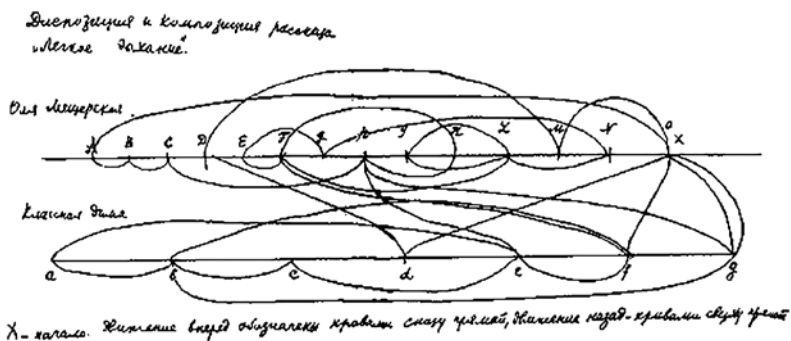

Рис. 2. Диспозиция и композиция в рассказе «Легкое дыхание»
Источник: (Выготский 1968: 196)

Схема демонстрирует «мелодию» или кривую индивидуации.
Она напоминает диалектическую логику параллелограмма, но струк-
турно имеет топологическое происхождение. Такую картографию
мог составить только лишь аналитик-разведчик. В самом деле, по-
добное картирование предполагает процедуру анатомирования
(и именно так Выготский описывает свою аналитическую работу).
Видимость явлений и реальное функционирование каждого элемен-
та сюжета должно быть проанализировано в соответствии с матери-
алом конкретной жизненной истории. Различие между *параллело-
граммом развития* и *композицией развития* — в логике диспозиции
дизъюнктивного единства поведения. Параллелограмм показывает
упрощенную идеальную форму,²⁶ которая приводит к согласию кон-

²⁶ Екатерина Завершнева также подчеркивает простоту логики работы опосредования (которая в нашем исследовании соответствует параллелограмму развития). Ссылаясь на новые материалы из архива Выготского, она доказывает, что в 1930–1934 годы он начал разрабатывать семантическую интерпретацию со-

фликтующие функции, создавая в итоге картину самосознающего субъекта, тогда как композиция показывает историю конфликта топологически, порывая с линейной логикой движения к Пониманию и Понятию. Она представляет собой геологию и географию диалектической структуры интериоризированного внешнего. Диалектика здесь — рисунок, а психика — произведение искусства.

Я противопоставляю эти две схемы опосредования, чтобы подчеркнуть: драма индивидуации, изученная Выготским, ставит перед исследователем ряд проблем. Хотя индивидуация определяется здесь как процесс изменения социального бессознательного, она тщательно изучается лишь с точки зрения психики. Другими словами, остается неясным, как именно должно быть достигнуто «подчинение единственной цели» или коммунистическая индивидуация. Безусловно, теория Выготского говорит нам, что значит быть коммунистом, но она ничего не говорит нам о том, что такое коммунизм как общество. Индивидуацию можно рассматривать как коммунизацию, когда она стремится к «адекватной форме» или достигает максимально возможной интенсивности и «подчинения единственной цели». Психика как произведение искусства — это коммунистическая психика. То есть даже в докоммунистических обществах существует тенденция к коммунизации. Выготский прожил короткую жизнь и, возможно, он собирался углубить свою формальную схему индивидуации, принимая во внимание конкретное изучение того, как определенные типы социальности производят определенные формы индивидуации. В настоящий момент я могу предложить лишь переосмысление современных дебатов о политике индивидуации через обращение к «Капиталу» Выготского, т. е. к его критике политической экономии индивида.²⁷

Подобно французским философам 1960-х Выготский размышлял о важности пространственного и каузального измерения историче-

---

знания (Zavershneva 2014; Завершнева 2015a). Однако это не привело ее к переосмыслению идеи субъективного развития. Несмотря на большое количество топологических аналогий в своем исследовании, Завершнева повторяет типичное представление о вертикальных уровнях развития. Она находится в опасной близости к традиции диамата: «гегелевская триада» перехода от природы (тезис) к культуре (антитезис) и снятие последней в свободе (синтез) применяется к интерпретации личности у Выготского (Завершнева 2015b: 103–105).

²⁷ Среди рассмотренной литературы мне удалось найти лишь одно исследование индивидуации, в котором упоминается Выготский. Это работа Паоло Вирно, в которой делается попытка переосмысления отношений между «доиндивидуальным», «индивидуацией» и «трансиндивидуальным» в соотношении с марксистским понятием *general intellect* и спинозистской теорией множества (Virno 2015: 221–236). Анализ Вирно и существующей литературы об индивидуации заслуживает отдельного исследования. В этой статье моя цель состоит в том, чтобы указать направление будущей разработки проблемы.

ского развития. Однако структурный компонент его диалектики не отвергает временной шкалы развития. Выготский сводит вместе время и пространство, рассматривая формирование сознания в материалистической и монистической перспективе взаимоотношений между субъектом и его средой. Асимметричная и превращенная логика обмена между двумя элементами создает в человеческом поведении полифонические наслоения опосредующих функций. Это приводит Выготского к концепции индивидуации, т. е. к семантической артикуляции темпоральной и пространственной структуры сознания. Единство Спинозы, Маркса и Гегеля позволяет ему доказать материальные предпосылки диалектики и темпорального измерения постоянного утверждения и переутверждения человеческой сущности. Впрочем, его теория коммунизма еще должна быть написана.

Авторизованный перевод с английского Дмитрия Жукова

Библиография

- Бергсон, Анри (2001). *Творческая эволюция* [1911]. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц.
- Выготский, Лев (1929). «К вопросу о плане научно-исследовательской работы по педологии национальных меньшинств». *Педология* 3, с. 367–376. М.: Учпедгиз.
- Выготский, Лев (1968). *Психология искусства* [1925]. М.: Искусство.
- Выготский, Лев (1982а). «Исторический смысл психологического кризиса. Методологическое исследование» [1927]. В кн.: Выготский, Лев, *Собрание сочинений*, в 6 тт., т. 1, с. 291–436. М.: Педагогика.
- Выготский, Лев (1982b). «Мышление и речь» [1934]. В кн.: Выготский, Лев, *Собрание сочинений*, в 6 тт., т. 2, с. 5–294. М.: Педагогика.
- Выготский, Лев (1982с). «О психологических системах» [1930]. В кн.: Выготский, Лев, *Собрание сочинений*, в 6 тт., т. 1, с. 109–131. М.: Педагогика.
- Выготский, Лев (1982d). «Психика, сознание, бессознательное» [1927]. В кн.: Выготский, Лев, *Собрание сочинений*, в 6 тт., т. 1, с. 132–148. М.: Педагогика.
- Выготский, Лев (1982е). «Сознание как проблема психологии поведения» [1925]. В кн.: Выготский, Лев, *Собрание сочинений*, в 6 тт., т. 1, с. 78–98. М.: Педагогика.
- Выготский, Лев (1983). «История развития высших психических функций». В кн.: Выготский, Лев, *Собрание сочинений*, в 6 тт., т. 3, с. 5–328. М.: Педагогика.
- Выготский, Лев (1984а). «Орудие и знак в развитии ребенка». В кн.: Выготский, Лев, *Собрание сочинений*, в 6 тт., т. 6, с. 6–89. М.: Педагогика.
- Выготский, Лев (1984b). «Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование» [1931–1933]. В кн.: Выготский, Лев, *Собрание сочинений*, в 6 тт., т. 6, с. 91–318. М.: Педагогика.
- Выготский, Лев (1986). «Конкретная психология человека. Неопубликованная рукопись Л. С. Выготского». *Вестник Московского университета. Психология* 14.1: 51–65.

- Выготский, Лев (2004). «Социалистическая переделка человека» [1930]. В кн.: Курек Н. С. *История ликвидации педологии и психотехники в СССР*, с. 262–277. СПб.: Алетейя.
- Дафермос, Манолис (2015). «Отражение отношений между культурно-исторической теорией и диалектикой». *Психологическая наука и образование* 20.3: 16–24.
- Завершнева, Екатерина (2015а). «Представление о смысловом поле в теории динамических смысловых систем Л. С. Выготского». *Вопросы психологии* 4: 119–135.
- Завершнева, Екатерина (2015b). «Проблема свободы как отличительная характеристика человека в работах Л. С. Выготского». *Вопросы психологии* 5: 89–106.
- Ильенков, Эвальд (1984). *Диалектическая логика: очерки истории и теории* [1974]. М.: Издательство политической литературы.
- Леонтьев, Алексей (1983). «Развитие высших форм запоминания» [1931]. В кн.: Леонтьев, Алексей, *Избранные психологические произведения*, в 2-х тт., т. 1, с. 31–64. М.: Педагогика.
- Лурия, Александр (1974). *Об историческом развитии познавательных процессов*. М.: Наука.
- Майданский, Андрей (1998). «Русские Спинозисты». *Вопросы философии* 1: 79–88.
- Майданский, Андрей (2012). *Читая Спинозу*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Мамардашвили, Мераб (1990). «Превращенные формы. О необходимости иррациональных выражений». В кн.: Мамардашвили, Мераб, *Как я понимаю философию*, с. 374–391. М.: Прогресс.
- Маркс, Карл (1960). «Капитал. Критика политической экономии», т. 1 [1867]. В кн.: Маркс, Карл и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт., т. 23, с. 5–787. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Спиноза, Бенедикт (1999). «Этика» [1677]. В кн.: Спиноза, Бенедикт, *Сочинения*, в 2-х тт., т. 1, с. 251–478. СПб.: Наука.
- Сурмава, Александр (2012). *Мышление и деятельность*. М.: НИУ МИЭТ.
- Чужак, Николай (1923). «Под знаком жизнестроения (опыт осознания искусства дня)». *ЛЕФ* 1: 12–39.
- Эйзенштейн, Сергей (1973). «Из неосуществленных замыслов [Капитал]» [1927–1928]. *Искусство кино* 1: 56–67.
- Энгельс, Фридрих (1961). «Диалектика природы» [1883]. В кн.: Маркс, Карл и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт., т. 20, с. 343–626. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Энгельс, Фридрих (1965). «Энгельс — Маргарет Гаркнесс в Лондоне». [Лондон, начало апреля 1888 г.]. В кн.: Маркс, Карл и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт., т. 37, с. 35–37. М.: Издательство политической литературы.
- Bakhurst, David (2007). «“Vygotsky’s Demons”. In *The Cambridge Companion to Vygotsky*, eds. Harry Daniels, Michael Cole and James V. Wersch, p. 50–76. Cambridge: Cambridge University Press.
- Balibar, Étienne (1997). *Spinoza: From Individuality to Transindividuality*. Delft: Eburon.
- Blunden, Andy (1997). “Vygotsky and the Dialectical Method”. *Marxists Internet Archive*. <https://www.marxists.org/archive/vygotsky/works/comment/vygotsk1.htm>

- Derry, Jan (2013). *Vygotsky. Philosophy and Education*. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell.
- Doise, Willem, Christian Staerke, and Alain Clémence (1996). "Vygotsky in the East and West. A Textual Analysis of Key Words and Abstracts in Recent Psychology Journals (1974–1994)". *Journal of Russian and East European Psychology* 34.2: 79–89.
- Davis, Susan, Hannah Grainger Clemson, Beth Ferholt, Satu-Mari Jasson, and Ana Marjanovic-Shane, eds. (2015). *Dramatic Interactions in Education. Vygotskian and Sociocultural Approaches to Drama, Education and Research*. London: Bloomsbury.
- Edwards, Anne (2007). "Vygotsky, Mead, and American Pragmatism". In *The Cambridge Companion to Vygotsky*, eds. Harry Daniels, Michael Cole and James V. Wersch, p. 77–100. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kline, George Louis (1952). *Spinoza in Soviet Philosophy. A Series of Essays, Selected and Translated, and with an Introduction*. London: Routledge & Kegan Paul LTD.
- Kozulin, Alex (1990). *Vygotsky's Psychology: A Biography of Ideas*. New York: Harvester Wheatsheaf.
- Langford, Peter (2005). *Vygotsky's Developmental and Educational Psychology*. New York: Psychology Press.
- Macherey, Pierre (2011). *Hegel or Spinoza* [1979]. Trans. Susan M. Ruddick. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Parcker, Martin (2008). "Is Vygotsky Relevant? Vygotsky's Marxist Psychology". *Mind, Culture, and Activity* 15.1: 8–31.
- Read, Jason (2012). "Desire is Man's Very Essence: Spinoza and Hegel as Philosophers of Transindividuality". In *Between Hegel and Spinoza. A Volume of Critical Essays*, eds. Hasana Sharp and Jason E. Smith, p. 42–60. London: Bloomsbury.
- Simondon, Gilbert (1992). "The Genesis of the Individual". In *Incorporations*, eds. Jonathan Crary and Sanford Kwinter, trans. Mark Cohen and Sanford Kwinter, p. 297–319. New York: Zone Books.
- Simondon, Gilbert (2005). *L'Individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble: Millon.
- Van der Veer, René, and Jaan Valsiner (1991). *Understanding Vygotsky: A Quest for Synthesis*. Oxford: Blackwell.
- Van Der Veer, René (2011). *Lev Vygotsky*. London: Continuum.
- Veresov, Nikolai (2010). "Forgotten Methodology. Vygotsky's Case". In *Methodological Thinking in Psychology: 60 Years Gone Astray?*, eds. Aaro Toomela and Jaan Valsiner, p. 267–295. Charlotte, NC: Information Age Publishing.
- Veresov, Nikolai (2016). "Duality of Categories or Dialectical Concepts?" In *Integrative Psychological and Behavioural Science* 50.2: 244–256.
- Virno, Paolo (2015). *When Word Becomes Flesh. Language and Nature*. Trans. Giuseppina Mecchia. South Pasadena: Semiotext(e).
- Wersch, James (1985). *Vygotsky and the Social Formation of Mind*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Zavershneva, Ekaterina (2014). "The Problem of Consciousness in Vygotsky's Cultural-Historical Psychology". In *The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology*, ed. Anton Yasnitsky, p. 63–100. Cambridge: Cambridge University Press.